

Summary

The present article is devoted to a question of a delimitation of the plenary power in sphere of military legislation in Russia between the tsar and State Duma in period of so called «duma monarchy» existence — that is in 1906—1917. As known, the question provoked serious governmental crisis in Russia in spring 1909. A «Regulations from 24-th of August 1909» was legislated in consequence of the crisis. The regulations delimited the plenary power between the tsar and the Duma in causes of military questions. However, concrete articles of groups of military expenses, for which was required a permission of the Duma and inside which was possible to transfer money from one article to another, remained indefinite. This problem was solved by promulgation of so called «Instruction from 2-nd of March 1914».

The instruction was an internal document and has never been published. The author publishes the instruction for the first time in supplement to the article.

С. В. ЯРОВ

ДОКЛАДЫ АГИТАТОРОВ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА КРЕСТЬЯН СЕВЕРО-ЗАПАДА СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1918—1919 гг.

Доклады агитаторов довольно редко становились предметом комплексного источниковедческого анализа. Еще реже они оценивались как источник для освещения политической психологии крестьян. В первую очередь здесь сказались цензурные стеснения, определившие и отбор материала исследователями, и акценты в освещении темы. Статья Е. М. Балашова «Крестьянство глазами агитаторов. 1918—1925 гг.»¹ является одной из немногих работ, увидевших свет в последние десятилетия, где эти сюжеты рассматриваются объективно и всесторонне. В настоящей работе предпринята попытка на основании отчетов агитаторов, содержащихся в фондах Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД) и Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), оценить достоверность самих докладов, выявить их риторические и литературные наслоения, исследовать значение их политических аспектов. Это и позволит ответить на вопросы: насколько доклады агитаторов способны отразить весь спектр политических противоречий в деревне, в чем причины и какова механика искажения информации в отчетах, в какой степени письмо агитаторов было предопределено идеологическими клише.

Определение учреждений, которым направлялись письма агитаторов, — особая источниковедческая проблема. Сами письма зачастую не содержат указаний на то, кому они адресуются. В тех же случаях, когда адресат-учреждение был все же обозначен, нередко искажалось его название. Последнее вызывалось не только тем, что лица, составлявшие отчет, не разбирались в иерархии партийно-государственных институтов, но и тем, что и названия этих институтов не были тогда устоявшимися и быстро менялись.

¹ См.: Северо-Запад в аграрной истории России: Калининград, 1997.

Выявление адресата может основываться на нескольких критериях: а) по пометам на документе, особенно имеющим директивный характер; б) исходя из содержания докладов; в) учитывая наличие документа в тех фондах архивов, которые отражают функционирование только определенных партийно-государственных структур; г) принимая во внимание сопутствующие документы, либо предваряющие доклад, либо возникшие как его следствие.

Изученные нами доклады в основном направлялись нескольким инстанциям: агитационно-пропагандистскому отделу Петроградского губернского Совета и Союза Коммунистической партии (СКСО), Иногородному отделу Комиссариата внутренних дел (КВД) СКСО, Петроградскому комитету РКП(б). Ряд докладов адресовался Вологодскому губернскому Совету, Тихвинскому уездному комитету РКП(б), Комиссариату по печати и агитации СКСО. Состав докладчиков-агитаторов был самый пестрый. Здесь мы видим и представителей ЦК РКП(б), губернских Советов и Комиссариатов, но нередко встречаются и лица, случайно ставшие агитаторами. Языковой спектр документов очень хорошо отразил эту «конгломератность» агитаторского корпуса: тут мы иногда можем обнаружить и неграмотных людей.

Крайне аморфной и неоднородной являлась и структура докладов. Очевидно, что какой-то единой либо ведомственной инструкции, унифицирующей их содержание, не существовало. Можно, однако, выявить следующую схему изложения материалов, присущую многим докладам, с той оговоркой, что отмеченные здесь структурные части нередко могли меняться местами или вовсе отсутствовать: а) описание общего положения в регионе; б) рассказ о своей деятельности; в) мотивация поступков людей и анализ тех или иных общественных явлений; г) предложения по исправлению недостатков и решению какой-либо проблемы.

Формы докладов существенно отличаются друг от друга. Иногда доклад представляет собой дневник поездки, составленный по однообразной схеме: что сделал агитатор и как крестьяне воспринимают сделанное. Таковым, например, является доклад агитатора А. Тарасова агитпропотделу Петроградской Трудовой Коммуны.² Доклад инструктора по организации Советов А. Панковца Вологодскому губернскому Совету (26 июня 1918 г.) фактически является записью показаний свидетелей происшествия и даже имитирует стилистические особенности судопроизводственных документов: «Постановил: по настоящему делу произвести дознание», «спрошенный по настоящему делу гражданин ... объяснил следующее» и т. п.³ В том случае, когда докладчик рассказывал только о митинге или сходе, его описание по форме

приближалось к протоколу.⁴ Обычно же доклад представлял собой отчет о работе, который зачастую перемежался и с общими оценками ситуации в местностях, и записью деревенских происшествий, составленной с чужих слов.

Содержание доклада определялось прежде всего целью поездки агитаторов. Некоторые доклады освещали лишь одно определенное событие — видимо, это и являлось главной задачей их авторов. Таковы, в частности, уже упоминавшиеся доклады инструкторов и агитаторов А. Панковца (26 июня 1918 г.) и А. Тарасова (июнь 1918 г.), а также доклады А. Косовского (30 мая 1918 г.), делегатов завода «Новый Леснер» (18 сентября 1918 г.), П. Прокофьева (30 декабря 1918 г.).⁵ В ряде случаев, если агитатор был свидетелем какого-либо крупного конфликта, именно освещению этого события отводилось в его докладе значительное место.⁶ Многие доклады содержат детальное, насыщенное фактами и реалиями описание положения в деревне, но иногда мы можем обнаружить и документы, где основное место занимают только общие, лишённые мотивировок оценки.⁷ В целом же типологично содержание докладов представить очень трудно. Поочередно описывая то или иное происшествие, докладчик, в зависимости от специфики события, превращает свой текст то в протокольное «сухое» изложение фактов, то в «живой», яркий рассказ, не лишённый литературного оформления. Типичным здесь можно считать доклад агитатора Павлова агитпропотделу при СКСО и Петроградском Совете о событиях в селе Грузино (Новгородская губ.) 7—8 июля 1918 г.⁸ Первая часть доклада — это почти стенографический отчет о проведенном агитатором сельском сходе с изложением повестки дня, речей докладчика и начала прений, вторая — драматическое описание бегства агитатора со схода. Это уже запись чрезвычайного происшествия, столь же сумбузная, как и само событие. Стоит автору чуть подробнее остановиться на каком-либо эпизоде своей поездки — и рассказ начинает обрастать малозначащими подробностями: «Я выбежал в соседнюю комнату и там вскочил в окно», «Я добежал по болотам ... и сел в вагон», «какая-то дамочка говорила», «я подсел к ней поближе и признался, кто я. Она мне рассказала, что „я жена директора фабрики“», «я все время беспокоился в вагоне, чтобы они не догнали меня, но она меня все утешала, что теперь не опасно».⁹ Подробности эти логичны: они возникают как элемент самооправдания, но вместе с тем превращают до-

² ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 275. Л. 97—98.

³ Там же. Д. 226. Л. 31—31 об.

⁴ См., в частности, доклад агитаторов от завода «Новый Леснер» 18 сентября 1918 г. и доклад агитатора Яковлева (ноябрь 1918 г.) (ЦГАИПД. Ф. О-851. Оп. 1. Д. 6. Л. 4—4 об.; ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 6. Д. 283. Л. 4—4 об.).

⁵ ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 81—82, 97—98; Д. 226. Л. 31—31 об.; Ф. 1620. Оп. 1. Д. 42. Л. 12—12 об.; ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 6. Д. 283. Л. 4—4 об.

⁶ См., например, доклад агитатора Салдина-Яковлева агитпропотделу СКСО и Петроградского Совета 7 мая 1918 г. (ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Л. 12).

⁷ Таковыми, в частности, являются доклады агитаторов Карлова и Соколова в Иногородный отдел Комиссариата ВД СКСО, доклад агитатора Н. Отрождинова Петроградскому уездному комитету РКП(б) 19 декабря 1918 г. (ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 8. Д. 117. Л. 6—6 об., 7—7 об.; ЦГАИПД. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 46. Л. 5 об.—6).

⁸ ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Л. 3—4.

⁹ Там же.

клад в некое подобие новеллы. В третьей части доклада — кратком анализе положения на местах — уже нет ничего ни драматического, ни «литературного», это торопливый, беглый взгляд на происшедшие события, не сильно отличающий основное от второстепенного.

Остановимся подробнее на тех описаниях массового политического протеста крестьян, которые содержатся в докладах агитаторов. Прямые свидетельства об отношении крестьян к Советской власти обнаруживаются здесь не очень часто. Иногда они присутствуют в докладах со значительными риторическими наклонениями и не являются конкретными: «в вышеназванной местности... Советская власть пошатнулась»,¹⁰ «местные кулаки ведут свою преступную агитацию против всей Советской власти»,¹¹ Абстрактные, лишённые предметности политические идеи мало интересовали и крестьян, и наблюдавших за ними информаторов. Употребляя термин «Советская власть», информатор нередко придавал взглядам крестьян, которые протестовали только против определенных местных органов власти, иной регистр сложности. Он зачастую отождествлял выпады крестьян против местных Советов с выпадами против Советской власти как совокупности политических идей и институтов. Различение критики местных чиновников и центральных политических структур проводилось докладчиками редко. Но и в этом случае из контекста многих их донесений видно, что причиной антиправительственных акций были прежде всего импровизации именно местных органов власти. Это требует особой осторожности в оценках политического содержания «антисоветских» крестьянских выступлений. Вообще сведений об отношении крестьян к местным Советам и значительно больше, и они более детальны, но и здесь политические аспекты их поступков должны оцениваться в каждом конкретном случае. В докладе А. Муницкина агитпропотделу Петроградской Трудовой Коммуны 14 июня 1918 г. сообщалось, что «почти все местное население относится очень враждебно к местному Совету и были такие возгласы, что возьмем оружие и разгоним местный Совет».¹² Однако далее мы читаем следующее: «Местные волостные советы не принимают никаких мер против такой агитации и даже сами склонны к этому, потому что они люди беспартийные, не считают ни с каким положением... относятся к настоящему моменту спустя рукава и так, что вести агитацию в таком месте слишком трудно...».¹³ Если, знакомясь с первой частью донесения, мы должны предположить, что нападки на Советы имеют политическую подоплеку (вследствие расплывчатости сообщения), то по второй его части можно допустить, что данные Советы не удовлетворяли и партийно-государственные структуры. Отметим, что поводы для нападков «мест-

ного населения» на Советы агитатором не названы, зато его критика волостных учреждений почти совпадает с теми обвинениями, которые обычно предъявлялись «кулацким» Советам. Можно поэтому предположить (поскольку трудно представить себе, чтобы коммунисты и их противники могли предъявлять одинаковые политические претензии к Советам), что в этом случае политического противостояния между Советами и массами здесь не было, а причиной возмущения могли являться либо медлительность и нерасторопность местных чиновников, либо какие-то их другие неполитические действия.

В сообщении агитатора П. Зуева агитпропотделу при СКСО и Петросовете (июль 1918 г.) отношение крестьян Торопецкого уезда Псковской губернии к Советам выявляется по косвенным свидетельствам: здесь упоминается создание так называемых «тысячных сходов», которые и «являются властью», причем отмечается, что «волостные Советы не есть исполнительные органы».¹⁴ О таком же случае замены новых органов власти прежними — создании в Гдовском уезде Петроградской губернии вместо Советов должности старшины — сообщается в докладе агитатора И. Соколова в Иногородний отдел КВД СКСО и Агитпропотдел Комиссариата по военным делам (декабрь 1918 г.).¹⁵ И здесь мы мало что узнаем о причинах негативного отношения крестьян к государственным учреждениям, но, в отличие от предыдущего текста, можем подчеркнуть сведения о степени радикализации крестьянских выступлений: в докладе говорится о том, что Совет был разогнан. Об отношении крестьян Боровичского уезда Новгородской губернии к Советам мы узнаем по приведенному в докладе агитаторов В. Орлова и А. Южука (ноябрь 1918 г.) описанию «осады» Устрекского волостного Совета: «Два дня собиралась волость к Совету и хотели разогнать Совет... и были по адресу председателя нанесены оскорбления».¹⁶ Но нужно учесть и то, что главной причиной конфликта здесь была «реквизиция хлеба» и политические мотивы, если они и имели место, то все же отходили на второй план.

Отчасти политическим можно считать отношение крестьян к Красной Армии. Политическая окрашенность протестов крестьян против создания новой армии, правда, в ряде случаев сомнительна. Крестьяне выступали против осуществления принудительной воинской повинности, соглашаясь на добровольную, поддерживали призыв в армию, но только при условии участия в нем всех представителей населения.¹⁷ В докладе члена Петросовета Я. И. Терентьева (12 июля 1918 г.) причины неприязни крестьян к Красной Армии не были мотивированы. Но уже по тому, как об этом сообщалось: «В Красную Армию идти не хотят»,¹⁸ —

¹⁴ Там же. Д. 239. Л. 7 об.

¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 8. Д. 217. Л. 6—6 об.

¹⁶ ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Л. 41—41 об.

¹⁷ См. доклад П. Ханкина агитпропотделу Петроградской Трудовой Коммуны 8 июня 1918 г. (Там же. Д. 225. Л. 10 об.).

¹⁸ Там же. Д. 228. Л. 45—46.

¹⁰ Доклад агитатора Киселева 5 апреля 1918 г. (Там же. Д. 225. Л. 7).

¹¹ Доклад агитатора А. Муницкина 11 июня 1918 г. (Там же. Л. 107).

¹² Там же.

¹³ Там же.

можно предположить, что едва ли здесь присутствовала политическая подоплека: крестьяне просто не хотели служить и именно сам призыв, вне политических оценок армии, был, возможно, главным источником их раздражения. Более политической можно считать реакцию крестьян Тихвинского уезда Череповецкой губернии — о ней рассказывается в докладе агитатора Якобсона (ноябрь 1918 г.):¹⁹ «При вопросе о Красной Армии были слышны возгласы: „Зачем опять вооружение“». ²⁰ Эта реплика не столь явно указывает на утилитарные, прагматические мотивы оценок Красной Армии, ей можно приписать в определенной мере и «идеологическую» направленность, и даже некий пацифизм. Нельзя, однако, исключать и того, что политико-этические обоснования отказа от вступления в Красную Армию могли быть ширмой, за которой скрывались куда более прозаичные мотивы.

С особой осторожностью необходимо оценивать политические мотивы в сообщениях агитаторов о восстаниях крестьян. Многие из них имели исключительно экономические причины. Они являлись крайней формой протеста против налогового произвола, мобилизаций, несправедливого раздела земли, вызывающих действий чиновников. Вопросы «высшей политики» во время этих восстаний мало занимали крестьян, и в большинстве случаев нельзя даже говорить о наличии у них минимальной политической программы. Но нужно учесть и то, что независимо от характера устремлений крестьян их массовые выступления во многих случаях оказывались именно политическими, поскольку были направлены против основных элементов Военного коммунизма, в котором оказались прочно спаянными и политика, и экономика.

Несомненно, политический аспект был присущ и крестьянским оценкам комитетов деревенской бедноты (комбедов, КДБ). В текстах сообщений агитаторов мотивация этих оценок зачастую отсутствует. Но если принять во внимание технику насаждения КДБ, которые откровенно подразумевались как проводники большевистского влияния в деревне, и то, что именно к КДБ стала переходить власть в селах осенью 1918 г., то политический подтекст здесь весьма очевиден. Дополнительную информацию о политизации деревни историк может получить, знакомясь и с сообщениями о «чистках» КДБ. Так, ряд агитаторов писал о необходимости селекции комитетов, в которые «попало немало кулаков» и которые избирались всем населением, без какого-либо классового ценза. Это помогает, с одной стороны, прояснить причины негативного отношения к КДБ части беднейшего крестьянства, а с другой — получить дополнительные сведения о политической борьбе на селе, маскируемой ширмой структур народообразования. Об отношении масс к КДБ можно узнать и из косвенных источников. В частности, в докладе делегатов завода «Новый Лессер» 18 сентября 1918 г. было сообщено о том, что

на волостном митинге «пункты о комитетах бедноты и учете продовольствия выкинуты из резолюции из опасения неприятия ее»;²¹ естественно предположить, что власти были в данном случае осведомлены о настроениях крестьян.

Доклады агитаторов содержат немало сведений и о классовой борьбе в деревне. Правда, многие из них очень неконкретны,²² а в некоторых не приводятся подробности происшествий и очень трудно определить, политической или бытовой являлась подоплека столкновений в деревне. Сообщение агитатора П. Прокофьева Петергофскому уездному комитету РКП(б) 30 декабря 1918 г. — «вся присутствующая беднота на собрании самостоятельно стала разоблачать все спекулятивные и мародерские поступки присутствующих... кулаков»²³ — в какой-то степени можно считать типичным для докладов агитаторов. Как правило, здесь проявлялась не то чтобы двусмысленность, но скорее многозначность и неопределенность дефиниций, анализ которых не позволяет сделать однозначный вывод. Ряд политических аспектов мы можем обнаружить и встречая свидетельства об отношении крестьян к сельскохозяйственным коммунаам. Говоря о неприязни крестьян к коммунаам, агитаторы, правда, не усматривают здесь прочной связи с политикой. Они сообщают преимущественно либо о «материальных» причинах отказа от коммун,²⁴ либо просто ссылаются на неосведомленность крестьянских масс о задачах коммунистических артелей. Но последнее нужно оценивать осторожно: сомнительно, чтобы переход к коммунаам не сопровождался минимальной ознакомительной работой, и скорее надо говорить о том, что предварительные разъяснения не удовлетворили крестьян. А в этой агитации за коммуны политический подтекст присутствовал почти обязательно: проповедуя переход к коммунистической практике, трудно было не сослаться на коммунистические теории. Особое внимание исследователю необходимо обратить и на те случаи, когда информаторы, говоря о критике коммун, перечисляют их в одном ряду с политическими, партийными и государственными учреждениями. Вполне возможно, что причины критики различных институтов здесь могли быть неодинаковыми, но все же это — одно из косвенных свидетельств о том, что и коммуны оценивали как институт власти и, соответственно, можно и здесь выявить политические мотивы.

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 6. Д. 283. Л. 4—4 об.

²⁰ Характерный пример — доклад делегата ВЦИК И. Е. Ловкова агитпропделу Петергофского уезда Новгородской губернии 3 апреля 1918 г.: «Начиная с губернского города и кончая самой захолустной деревушкой, везде встречается упорная борьба с прислужниками монархического строя» (ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 5—5 об.).

²¹ Там же. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 46. Л. 12—12 об.

²² См. доклад агитатора А. В. Кручковского агитпропделу Комиссариата по печати и агитации СКСО 7 мая 1918 г.: «Устройству же с.х. коммун... не сочувствуют по разным причинам (захватническое настроение, раздраженность вследствие недостатка продуктов, семян, с. х. орудий и др. причин...)» (Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 24).

¹⁹ Там же. Ф. 0-851. Оп. 1. Д. 6. Л. 4—4 об.

²⁰ Там же.

Еще одним косвенным свидетельством о политических настроениях масс могут служить оценки эффективности пропагандистской работы на селе — как советской, так и оппозиционной. Об этом, правда, информаторы по обыкновению сообщают крайне скупое: «агитация идет сравнительно успешно»,²⁵ «вести агитацию в таком месте слишком трудно»,²⁶ «таких большинство, которые своей пропагандой поднимают бедноту против Советов».²⁷ Но если сопоставить эти оценки с общим содержанием тех отчетов, откуда они взяты, то уже их контекст позволяет более детально расшифровать то, о чем информатор сообщал лишь несколько слов. И даже реплика одного из агитаторов: «По волости никакой агитации»,²⁸ если учесть, что она сопровождается общей негативной оценкой положения в волости, может рассматриваться не только как информация о наличии в местности пропагандистских структур, но и как показатель настроения масс.

Сообщая о своих наблюдениях, агитаторы не всегда мотивировали собственные выводы. Исследователю зачастую приходится реконструировать логику их оценок, исходя и из анализа уровня политической культуры информаторов и учитывая массовые стереотипы той среды, к которой они принадлежали. Как правило, когда информаторы сообщают о причинах тех или иных происшествий, все их догадки выглядят слишком упрощенными. Так, весьма часто крестьянская оппозиционность объяснялась либо притеснением «кулаков», либо указанием на то, что в местности очень мало бедняков. Комплексного и подробного обзора социально-политических коллизий в деревне в докладах агитаторов найти очень сложно, что, впрочем, естественно, учитывая краткость их поездок. Даже имея точную информацию о причинах крестьянского протеста, агитатор мог давать ей специфическую, основанную на политических клише, интерпретацию. Так, в докладе одного из представителей ЦК РКП(б) Ингородскому отделу КВД СКСО (январь 1919 г.) сообщалось о том, что крестьяне отказывались от мобилизации, спрашивая: «За что мы [будем] воевать?»²⁹ Рассказав о таком случае, информатор тут же написал, что это произошло «благодаря черносотенной агитации»,³⁰ не раскрыв, впрочем, содержание этого термина.

Вопрос о достоверности докладов агитаторов очень сложен. Сам доклад — это и изложение событий, и идеологическая декларация, и даже некое «исповедование веры». Агитационный настрой, созданный общением с массами в многодневном ораторском труде, перекочевывал и на страницы отчетов, оживлял их

²⁵ Доклад делегата ВЦИК И. Е. Лонкова 3 апреля 1918 г. (Там же. Л. 5—5 об.)

²⁶ Доклад агитатора А. Мушцына 11 июня 1918 г. (Там же. Л. 107).

²⁷ Доклад агитатора Белобородова агитпропозделу при СКСО и Петросовете. Июнь—июль 1918 г. (Там же. Д. 228. Л. 41—42).

²⁸ Доклад агитатора Ткачева в Ингородский отдел КВД СКСО 2 декабря 1918 г. (ЦГА СПб. Ф. 192. Оп. 8. Д. 111. Л. 47—47 об.).

²⁹ Там же. Д. 110. Л. 18.

³⁰ Там же.

сухое повествование, расцвечивал их необычными для деловой документации красками. Искажение истины здесь часто вызывалось не практическими целями, а непоколебимой, «фундаментальной» уверенностью в правоте своих предположений, покоившихся на идеологических формулах. В чем агитаторы пытались убедить крестьян, в том они убеждали и себя — этот вывод можно сделать, сталкиваясь с почти однотипной реакцией их (столь разных по происхождению и интеллектуальному уровню) на социальные и политические конфликты в деревне.

Как правило, доклад агитатора был записью и того, очевидцем чего он являлся, и того, о чем он узнал из вторых рук. Не всегда информатор отделяет пережитое от услышанного, и нужна кропотливая работа, чтобы выяснить, где встречаются свидетельские показания, а где — передача слухов. Иногда, правда, агитаторы отчетливо указывают на слухи и даже подробно пересказывают их. Происходило это обычно в трех случаях: 1) когда в слухах сообщалось о возможной угрозе советским учреждениям и о других неполадках в волостях; 2) когда слухи приводятся как образец дезинформации противников; 3) когда слухи являлись причиной восстаний крестьян. При этом отметим, что нередко ссылки на слухи были обоснованием для запросов о военной и иной помощи и потому они могли преувеличиваться или им придавалось то значение, которого они не имели.

Во многих же других документах отличать очевидца от слушателя или весьма своеобразного аналитика нам приходится при помощи особых историко-исследовательских усилий. Приведем примеры. В докладе агитатора Н. Отроженнова (19 декабря 1918 г.) приводится ряд случаев разбавления комбедов «кулаками» и смешения функций КДБ с функциями общих волостных сходов; свидетелем чему он был: «Когда я просил председателя комбеда, чтобы он наиболее богатых просил выйти, председатель комбеда ответил: „У нас нет кулаков. Мы не признаем кулаков, мы все здесь средние крестьяне!“. Правда, он обратился к собранию со словом, что „здесь, мол, собралась лишь беднота, а потому все, кто не беднота, должны уйти“, но из крестьян никто не шевельнулся».³¹ Рассказав об этом, агитатор сделал общий вывод: «Вряд ли где кулаки или богатые ставятся вне прав гражданства, особенно активного избирательного права». Однако это не подтверждается другими фактами, и тогда надо полагать, что основанием для такого вывода был именно приведенный выше случай. Вывод информатора основывается лишь на предположении о том, что если на собрании богатые не отделены от малоимущих, то первые обладают теми же правами, что и вторые. Слова «вряд ли», возможно, отчасти и передают не очень твердую уверенность агитатора в истинном положении дел. В данном эпизоде очевидец и комментатор противоречат друг другу, хотя и не случайно — и пользуясь этим противоречием, мы можем несколько прояснить или уточнить подлинную картину событий.

³¹ ЦГАИПД. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 46. Л. 5 об.—6.

Другой документ — доклад агитатора В. Иванова агитпроп-отделу Петроградской Трудовой Коммуны о положении в Холмском уезде Псковской губ. (20 июля 1918 г.)³² — близок по содержанию и структуре текста к общим сводкам Комиссариата внутренних дел СКСО. Здесь перечисляются волости и дано очень краткое описание их положения, причем основное внимание уделено работе Советов и сбору налогов. Краткость и односложность записей не позволяют точно удостовериться в том, собирал ли агитатор данные самолично или довольствовался информацией, полученной в уездных учреждениях. Выяснить, был ли информатор очевидцем происшествия в том случае, когда он прямо не говорит об этом, можно попытаться, если обнаруживается ряд характерных деталей в повествовании: а) в отчете содержатся записи высказываний отдельных крестьян и их прямая речь — без попыток их обобщить или проанализировать; б) события перечисляются строго во временной последовательности, что отчасти может служить признаком последовательности непосредственных впечатлений информатора; в) в отчетах имеются сведения, которые мог почерпнуть только сам наблюдатель (о погоде, о внешнем виде людей и зданий, бытовые зарисовки и т. п.); г) в отчете даются оценки, которые являются не только политическими, но и личными; д) в отчетах содержится описание действий, которые могли быть только следствием присутствия информатора. Здесь, разумеется, перечислены далеко не все условия, позволяющие обнаружить в информаторе очевидца, и, добавим, даже они далеко не всегда помогают историку обрести твердую уверенность в своих выводах. Но и при такой оговорке отметим, что ничего этого в докладе В. Иванова нет. Поэтому мы обязаны проанализировать и другие детали его сообщения, чтобы как можно точнее (если это вообще возможно) выявить в данном тексте ядро свидетельских показаний. Во-первых, отметим, что здесь перечислено несколько волостей, но из докладов других агитаторов известно, что практика таких многодневных поездок была редкой. Обычно обследовались одна-две волости, в прочих же случаях работала группа агитаторов. Во-вторых, обращает на себя внимание структура текста, отличающаяся от обычной структуры других докладов, но, как отмечалось выше, близкая к сводкам КВД СКСО о положении на местах. В силу этого нельзя исключать, что информатор мог использовать текст одной из таких сводок. В-третьих, говоря о событиях в г. Холме 15 июня 1918 г., агитатор уточняет, что пишет об этом «со слов очевидца».³³ В других случаях данной оговорки нет, и это может свидетельствовать о прямом участии агитатора в событиях, описанных им в докладе. Но нужно учесть, что рассказ о восстании в Холме существенно отличается по объему и массе подробностей от кратких обзоров положения в других волостях. Поэтому нельзя исключать (хотя и трудно говорить об этом с полной уве-

³² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 133—133 об.

³³ Там же.

ренностью), что именно такое обилие деталей, с которыми он знаком понаслышке, вынудило информатора особо оговориться в отношении источника его сведений.

Выявить ядро показаний самих информаторов можно и другими способами. Иногда в документах дается описание какого-либо происшествия, и остается неясным, были ли информаторы его свидетелями. Так, в докладе агитаторов В. Орлова и А. Южука (ноябрь 1918 г.) содержится обзор выступлений крестьян Устрекской волости (Новгородская губерния) и нет указаний, откуда получили эти сведения агитаторы. Но далее они сообщают следующее: «По приезду нашем просили нас принять участие в оказании содействия Совдепу против восставшего кулачества, что нами и было сделано немедленно».³⁴ Из этого можно с большой долей уверенности предположить, что именно отсюда и начинается запись показаний очевидцев, а о восстании устрекских крестьян агитаторы скорее всего узнали с чужих слов.

Особого подхода требует источник и в том случае, когда информатор осуществляет целенаправленный отбор сведений. В частности, в докладе агитатора А. Муницына прямо говорится о том, что он «отправился по волостям узнать настроение местных крестьян, как они относятся к местному Совдепу».³⁵ В дальнейшем в его отчете именно этим сюжетам уделено основное внимание. Все окружающее его он рассматривает лишь в той мере, в какой оно имеет отношение к цели поездки. Отбор сюжетов и тем, определяемый информатором, еще не означает искажения истины. Факты здесь могут быть переданы правильно, но одна лишь констатация факта, без описания сопутствующих ему бытовых реалий, без мельчайших подробностей, создающих живую ткань времени и определяющих место события в системе «житейских» координат, неизбежно приведет к неполноте и неточности интерпретации, а это, в свою очередь, — к маскировке реальных мотивов массовых настроений. «Лишние» подробности в документах, т. е. те из них, которые легко могут быть исключены из текста без ущерба для его основного содержания, именно потому, что они не имеют строго утилитарного значения и не возникли как звено в причинно-следственной связи, воспроизводимой докладчиком, придают отчету большую достоверность.

В ряде случаев достоверность сообщений агитаторов можно оценить, выявляя противоречия в самом тексте их докладов. Так, в отмеченном прежде докладе В. Орлова и А. Южука содержались сведения о «контрреволюционном восстании» в Устрекской волости. Но мотивировкой для этих утверждений был лишь факт прихода крестьян к зданию волостного Совета и оскорбления и угрозы по адресу его руководства — только этот инцидент и отражен в данном докладе. И вот что еще примечательно. В докладе сообщалось о том, что пришлось вызвать «вооруженных

³⁴ Там же. Д. 239. Л. 41—41 об.

³⁵ Там же. Д. 225. Л. 107.

коммунистов в составе 10 человек для подавления контрреволюционного восстания».³⁶ Трудно предположить — если бы это действительно было восстание всей волости (состоящей из многих деревень), — что для его подавления хватило бы десяти человек.

Приведем другой пример. В некоторых докладах партийная ориентация политических противников определялась без объяснений, как бы «на глазок», и это также должно настораживать исследователя. «Съезд был чисто кулацким, пахнет левозсеровщиной», — сообщалось в докладе агитатора Ткачева о Лисинском волостном съезде 1 декабря 1918 г.³⁷ Здесь вызывает сомнение уже сама категоричность вывода: «чисто кулацкий». Это означало, что все депутаты — а среди них были рабочие и красноармейцы — являлись кулаками. Учитывая, что столь разношерстным был социальный состав любого из волостных съездов, это кажется маловероятным. О «кулаках» агитатор либо узнал с чужих слов (это естественно — в волости он находился несколько часов), либо предположил их наличие, оценив желание делегатов разрешить свободную торговлю. Но однозначно приписывать лозунг свободной торговли только левым эсерам и «кулакам» едва ли правомерно: можно встретить немало свидетельств о том, что его отстаивали и середняки, а в ряде случаев даже и бедняки. В этом тексте настораживает и другое. Сам документ описывает положение в волости исключительно негативно: нет агитации, крестьяне не хотят комбедов, волисполком не разбирает инструкции, коммунисты «не на высоте своего положения, среди членов есть прямые враги», и даже принятая съездом пробольшевистская резолюция «проведена исключительно из желания наверное узнать настроение массы и выражением данной волости служить не может». Такой отбор только негативных фактов наводит на мысль об определенном ракурсе видения событий докладчиком. Возможно, им подыскивались аргументы для смены руководства волости, не исключено, что здесь сказалось и его раздражение: никто из волостных чиновников ему реальной помощи не оказал, а в особо отмеченных им «шумных дебатах» на съезде могли допускаться, как это обычно и бывало, неприятные для оратора реплики. В любом случае трудно относиться с полным доверием к докладу, где события обрисованы исключительно черными красками. Исходя из «кулацкого» настроения съезда, агитатор, видимо, и делает вывод о том, что упомянутая резолюция не может считаться отражением мнения волости. Но тогда в соответствии с логикой его рассуждений надо признать, что это мнение выражали «кулаки», а на такой вывод сам агитатор едва бы решился.

В докладе агитатора Якобсона (ноябрь 1918 г.)³⁸ можно встретить фразу «собрались крестьяне, отчасти и кулаки». Здесь, очевидно, происходит терминологическая путаница, поскольку крестьянами в точном смысле этого слова могут считаться и за-

житочные сельские жители. Возможно, говоря о крестьянах, автор имеет в виду лояльных лиц, но тогда и понятие «кулак» лишается социального подтекста и может быть воспринято как обозначение враждебной политической позиции. С таким же стремлением отождествить оппозиционно настроенных лиц с кулаками, исходя из контекста их выступлений, можно встретиться в докладе П. Прокофьева (30 декабря 1918 г.). Сообщая, что ему были заданы на митинге вопросы о правомочности действий военных комиссариатов и об обоснованности налогов, он приписал их «кулацкому элементу».³⁹ Речь тогда зашла о подводах для армии и об уплате чрезвычайного революционного налога. Эти повинности несли «кулаки», от них освобождались бедняки, и потому естественным было для агитатора считать протест против поборов исходящим именно от кулаков. Но эти повинности исполняли и зажиточные крестьяне-середняки. И потому, если агитатор исходил в своих оценках только из этого предположения, то их можно назвать недостаточно обоснованными. Нельзя исключать, конечно, что выводы информатора основывались и на реальных фактах, но о них здесь не сообщается, а о других аргументах докладчика можно только догадываться, точных сведений нет.

С такими противоречиями мы постоянно сталкиваемся, анализируя, казалось бы, простые по содержанию тексты. В докладе агитатора А. Тарасова (июнь 1918 г.)⁴⁰ основанием для причисления к кулакам ряда лиц было то, что они мешали вести собрание. В докладе А. Муницына о кулаках говорилось лишь в связи с их агитацией против Советской власти. Ни о каких прочих их действиях не сообщалось, и возникает сомнение, насколько обоснованно оппозиционеры были приняты за кулаков. В докладе агитатора В. Иванова⁴¹ кулаками были названы лица, под воздействием которых сельское общество отказалось продавать хлеб спрятавшимся от войны в Петрограде ученикам. Мотив общей «внеклассовой» неприязни к уклонявшимся от службы здесь не был принят во внимание, хотя и сам агитатор подчеркивал, что хлеб таким людям не хотели продавать ни за какие деньги. Примечательно и то, что в докладе даже политическую устойчивость одной из волостей объясняли тем, что «деревенские кулаки бездействуют». Возникает подозрение, что при ухудшении обстановки им приписали бы инициативу крестьянских выступлений. Во всех этих случаях «классовое» несомненно смешано с «политическим» и возникает ощущение, что слово «кулак» было универсальным для агитаторов обозначением политических противников.

В определенной мере вызывает сомнение и достоверность сведений о количестве голосов, поданных за то или иное постановление. «Предложенная нами резолюция принята половиной голо-

³⁶ Там же. Д. 239. Л. 41 об.

³⁷ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 8. Д. 111. Л. 47—47 об.

³⁸ ЦГАИПД. Ф. 0—851. Оп. 1. Д. 6. Л. 4—4 об.

³⁹ Там же. Ф. 1620. Д. 46. Л. 12—12 об.

⁴⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 97—98.

⁴¹ Там же. Л. 133—133 об.

сов из присутствовавших до 500 крестьян, при такой же половине против», — сообщалось в докладе делегатов от завода «Новый Леснер» 18 сентября 1918 г.⁴² Слова «до 500 крестьян» очевидно выявляют приблизительность подсчетов, и это естественно, учитывая, сколь сложно было опросить такое большое число людей. Зная технику голосования на крестьянских сходах, нельзя исключать, что пресловутая «половина», возможно, также оценивалась «на глазок». Подобные определения числа голосовавших («половина», «треть», «большая часть» и т. д.) в ряде случаев может тоже свидетельствовать о неточности опросов.

В докладе агитатора Яacobсона (ноябрь 1918 г.)⁴³ мы встречаем такую же приблизительность подсчетов числа уже беднейших крестьян на митинге («около 200»). Но настороженность исследователя вызывает не только это, но и общие приемы оценок, допускаемых агитатором. Так, голосования на митинге, если верить отчету, не происходило, поэтому число 200 могло возникнуть как итог самостоятельного, особого подсчета крестьян. Тогда перед историком возникают вопросы: 1) было ли у агитатора время для этого (он вел митинг); 2) если время и имелось, то для чего потребовался этот подсчет; 3) если этим занимались иные уполномоченные лица, то не имеем ли мы здесь дело со вторичной информацией, и почему в таком случае агитатор прямо не говорит об этом. Агитатор сообщает, что на митинг, помимо бедняков, пришли и кулаки — значит, число 200 возникло вследствие какого-то отбора. Как он выяснил, что в разношерстной крестьянской толпе находились не один, не два, а именно 200 бедняков, — это остается тайной. Характерна и оговорка агитатора: «...соглашались со мной все бедняки, ввиду чего кулаки, видя свое банкротство, замолчали и начали удаляться». Сомнительно чтобы агитатору удалось установить факт согласия с ним именно всех 200 крестьян: голосования не было, а проследить реакцию каждого из 200 человек информатор, даже при всей расторопности, вряд ли бы смог. Возникает и другой вопрос: на каком основании агитатор определил, что все ушедшие с митинга являлись кулаками? О том, что агитатор получил впоследствии какие-то дополнительные сведения об ушедших, в докладе не сказано. Поэтому приходится предположить, что он, во-первых, оценил уход с митинга как знак несогласия с ним (хотя люди могли уйти по разным причинам), и, во-вторых, что именно это несогласие было для него главным критерием, чтобы считать крестьянина кулаком.

Особо необходимо отметить те случаи, когда в тексты отчетов как бы вкраплены чужая речь и чужое письмо. Очень важно отделить авторское от того «чужого», что с разной степенью достоверности передает информатор, и, если возможно, снять авторские наслоения в сообщаемых им документах, ходатайствах, жалобах, просьбах. Обратим внимание на следующий фрагмент

⁴² ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 6. Д. 283. Л. 4—4 об.

⁴³ ЦГАИПД. Ф. 0—851. Оп. 1. Д. 6. Л. 4—4 об.

доклада агитатора Баранова о митинге крестьян Лукинской волости (Череповецкая губ.) 10 ноября 1918 г.:⁴⁴ «Я им объяснял о текущем моменте и о значении празднования Великой Октябрьской революции. Потом перешли к значению Инструкции и деятельности Комитетов деревенской бедноты. На это мне беднота и ответила, что так как нас, голодающих, всего найдется среди зажиточных не более как третья часть, и поэтому-то нам с ними ничего не сделать по разделу хлеба. И просим содействия исполнительного комитета послать немедленно на помощь вооруженную силу, хотя из 5-ти человек во главе с распорядителем. И просили меня лично походатайствовать перед Исполкомом о высылке им на помощь вооруженной силы». Вкрапление чужой речи показывает нам прежде всего, что общее изложение происшествия сокращено: прямая речь и есть, собственно, фрагмент полного стенографического описания, которым агитатор пренебрег. Степень сокращения материала выявить очень трудно, но можно попытаться определить степень достоверности переданной речи. Нельзя исключать того, что агитатор мог пересказать ее близкими по смыслу словами, придав ей неавторское оформление. Поэтому следует обратить внимание на различия в стиле и лексике письма агитатора и той прямой речи, которая им передается. Здесь это сделать сложно, потому что и письмо агитатора столь же пестрит грамматическими и стилистическими отклонениями, что и речь бедняков: «объяснял о текущем моменте», «перешли к значению инструкции». Сомнения в точности передачи речи вызывает фраза «мне беднота ответила», предваряющая рассказ крестьян. Она может косвенно указывать на то, что агитатор синтезировал просьбы не одного, а многих крестьян и, соответственно, мы имеем дело не с записью прямой речи, а пересказом главной просьбы крестьян. Агитатор вполне мог придать ей форму прямой речи хотя бы и потому, что просторечие, имитирующее прямую речь, вообще свойственно его «писательской» манере, как это видно из доклада. Наконец, он мог это сделать, чтобы яснее подчеркнуть то, что просьба исходит именно от крестьян, и тем придать ей большую основательность.

Обратим внимание на запись второй части прямой речи: «и просим содействия исполнительного комитета послать немедленно на помощь вооруженную силу, хотя из 5-ти человек во главе с распорядителем». Подчеркнем, что слово «распорядитель», почти не употреблявшееся в официальных документах, позволяет с большей уверенностью оценить данный текст как исходящий от низов: крестьяне плохо разбирались (и тому есть множество свидетельств) в иерархии советских учреждений и в сфере их компетенций и поэтому иногда придавали названию должностей «старорежимный» оттенок. Стилистически неправильная конструкция «просим содействия ... послать», возможно, также в какой-то мере отражает низовое творчество. Но все эти элементы

⁴⁴ Письмо агитатора Баранова Тивинскому уездному комитету РКП(б) 14 ноября 1918 г. (Там же. Л. 3—3 об.).

низовой речи и письма сцеплены таким образом, что нельзя исключить, что перед нами может быть даже не прямая речь, а фрагмент постановления митинга, — столь клишеобразным и обычным для многих крестьянских прошений является канцелярское оформление этого требования. Отметим особо следующую за этим текстом фразу: «И просили меня лично походатайствовать перед Исполкомом о высылке им на помощь вооруженной силы», почти в точности повторяющую предыдущую. Этот повтор объясним как раз в том случае, если имеется в виду не прямая речь, но часть постановления митинга: крестьяне не просто документируют свои требования, но и просят агитатора лично посодействовать их удовлетворению.

Отчасти проверить достоверность источника возможно, проанализировав содержание мотивировок, данных агитатором тем или иным происшествием. Мотивировки могут быть и «местными», т. е. когда протест крестьян объясняется реалиями, характерными только для данной местности, и «общими»: в этом случае поступки крестьян интерпретируются по заданным социологическим схемам, конкретные факты не приводятся, а оформление, стиль и лексика мотивировок близки к агитационным клише. Конечно, нельзя безоговорочно утверждать, что наличие «местных» мотивировок является убедительным доказательством истинности рассказа. Мы нередко сталкиваемся в агитаторских отчетах с произвольным установлением причинно-следственной связи различных фаз происшествий и с неточной интерпретацией местных событий, в которой также нетрудно уловить влияние социологических постулатов. Но все же, обнаруживая в одном ряду и «местные», и «общие» мотивировки, можно отдать предпочтение первым — прежде всего потому, что при этом более детализирована цепь событий и появляется возможность определить, на какой стадии описания меняется характер интерпретаций и в чем здесь причина.

Признаком относительной достоверности сообщений агитаторов может быть и нарочитое выделение в их текстах примеров, конкретизирующих отчет. Так, агитатор Козлов, рассказав в своем докладе (8 декабря 1918 г.)⁴⁵ о том, что «есть люди, которые для своих целей распространяют всевозможные слухи», тут же оговорился, что он может подтвердить сказанное примером. Правда, такими примерами полны многие сообщения агитаторов, ничего необычного здесь нет, но в нарочитом подчеркивании автором того, что он может подтвердить свои слова, проявляется как бы особенная ориентация на точность: автор косвенно отмечает, что это сделано для вящей убедительности его отчета. Вопрос о том, насколько достоверны эти примеры, не передаются ли тут слухи и действительно ли оправдано помещение в тексте самого примера, разумеется, не исключен и должен рассматриваться отдельно. Но нельзя не признать, что при таком подходе автор может проявить большую осторожность при описании

сельских происшествий, во всяком случае, при рассказе о тех или иных их деталях.

Важным инструментом определения достоверности описания события является сопоставление его с другими документами, повествующими о том же событии. В связи с этим сравним два отчета: процитированный выше доклад агитатора П. Прокофьева (30 декабря 1918 г.)⁴⁶ и доклад агитатора В. Попова (2 января 1919 г.)⁴⁷. Оба они посвящены описанию митинга крестьян в имении Анташи (Петергофского уезда Петроградской губернии) 29 декабря 1918 г. Рассказ В. Попова более конкретен. В отличие от П. Прокофьева он сообщает и о том, где проходил митинг и сколько присутствовало людей, и какой являлась прослойка коммунистов среди участников. Но этот доклад еще и менее «литературен» и описывает факты более сухо, нежели доклад П. Прокофьева. Так, в поле зрения обоих агитаторов оказалась реакция крестьян на речи, произносимые во время митинга. «Как во время самих речей, так и вопросов с мест слушатели относились к пояснению с самым серьезным вниманием — видно было, что все это настолько их интересовало, что они стараются не проронить ни одного слова» — сообщалось в докладе П. Прокофьева. Этот же эпизод в докладе В. Попова изложен куда более кратко: «Собрание к нашим докладам отнеслось очень сочувственно».

На первый взгляд кажется, что описания фиксируют почти одинаковую реакцию крестьян и их различия — только в подробностях. Не обладая другими свидетельствами этой сцены и затрудняясь ответить, кто из двух очевидцев более точен, отметим прежде всего такую деталь. Фраза «стараются не проронить ни одного слова» уже сама по себе не очень корректна: она описывает внутренний настрой крестьян, который едва ли мог быть известен агитатору. Очевидно, агитатор хотел подчеркнуть, что его речь не прерывалась репликами, — отсюда он выводит и «серьезное внимание», и заинтересованность крестьян. Но далее из текста мы узнаем, что это молчание продолжалось и после речей и агитаторам не сразу удалось «разговорить» крестьян, чем они были немало обеспокоены. Но тогда несложно приписать молчанию крестьян не только позитивную, как это сделали и П. Прокофьев, и В. Попов, но и негативную направленность. Там, где П. Прокофьев делает замаскированный позитивный вывод, на основании тех же наблюдений В. Попов прямо утверждает эту позитивность. И все же, несмотря на «литературность» описаний, возможно, что П. Прокофьев не случайно здесь более осторожен: дальнейший рассказ о собрании, содержащийся в обоих отчетах, вызывает сомнения, действительно ли «очень сочувственно» отнеслось крестьянство к вопросам о мобилизации для военных нужд и о чрезвычайном налоге. Примечательным комментарием к реплике В. Попова о сочувствии крестьян является и замечание

⁴⁵ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 8. Д. 11. Л. 7–7 об.

⁴⁶ Там же. Л. 10–11.

П. Прокофьева о том, почему агитаторы хотели услышать мнение местных жителей: «Тов. Попову и мне во что бы то ни стало хотелось вызвать на эту беседу, так как мы никогда не могли себе представить, что крестьянство согласно со всем нашим докладом и разделит наши взгляды». Можно, конечно, предположить, что П. Прокофьев приписал собственные оценки В. Попову. Но и В. Попов отмечает, что он также стремился вызвать крестьян на разговор, — последнее может считаться точно установленным фактом. Мотивировкой такого желания, естественно, могло быть только одно: узнать подробнее о позиции крестьян в том случае, если эта позиция была неясна. Если это так, то сомнения не одного, но обоих агитаторов следует считать вполне вероятными.

О том, что произошло после того, как крестьяне заговорили, агитаторы сообщают разноречивые сведения. В тексте П. Прокофьева вновь чувствуется «беллетристический» элемент: «И на третий наш вопрос, почему именно крестьянство не хочет высказать свой взгляд на положение вещей, в то время когда мы их призываем к строительству народной жизни, беднота, присутствующая здесь, заявила, что все мероприятия народного правительства как нельзя лучше отвечают их желанию». Здесь обращает на себя внимание и риторика (дважды упомянуто определение «народный», являющееся в данном контексте только оценочным термином), и характерная анонимность фразы: «беднота... заявила», сигнализирующая об авторской редакции чужой речи. Но особую настороженность вызывает другое. В отчете В. Попова отмечено, что после просьб агитаторов действительно выступил член комитета бедноты. Ни о каком народном правительстве он не говорил, но жаловался на действия волостного военного комиссара, который угрожал его отправить в ЧК, на Гороховую. 2, в том случае, если не будет предоставлена подвода. После этого пожаловались еще три крестьянина на неправильность разверстки; стали смотреть списки и выяснилось, что они действительно не могли быть обложены таким налогом, поскольку являлись бедняками. Но посмотрим, как этот эпизод изложен в докладе П. Прокофьева: «Вот тут-то, как из рога изобилия, посыпались вопросы со стороны кулацкого элемента. Почему, мол, военный комиссариат предписывает... представить подводы и т. д.? Почему наложен в таких крупных размерах чрезвычайный налог и т. д.?».

Выше мы уже отмечали спорность утверждения П. Прокофьева о кулаках, оценивая внутренние противоречия только в его тексте. В этом же случае, когда мы имеем «параллельный» текст В. Попова, такие сомнения лишь усиливаются. Скрупулезность, сухость, монотонность изложения В. Попова здесь явно контрастирует с риторической направленностью текста П. Прокофьева. Обычный источниковедческий прием, требующий отделить предпосылки к тексту, более насыщенному бытовыми реалиями, менее риторическому, содержащему изложение причинно-следственной связи событий, а не «общих» впечатлений, тут вполне применим.

Но «живое» изложение П. Прокофьева ценно тем, что оно позволяет посредством анализа риторических импровизаций узнать что-то и об идейной позиции самого агитатора. В докладе же В. Попова автор выглядит зачастую только нейтральным регистратором происшествий. Анализ речевых штампов и импровизаций даст нам представление о самостоятельности риторического письма агитатора и значит — о достоверности его доклада. Неправильный синтаксис, редукция связующих слов, как и ряд других признаков, показывают, насколько адекватно используется эта риторика, в какой степени она иллюстрирует политическое мышление самого агитатора и уместна ли она в отчетах. По тому, выражается ли письмо агитатора уже готовой, общей риторической конструкцией, либо он излагает свои наблюдения отдельными риторическими штампами, еще не сведенными в единое целое, когда дефиниции еще не подчиняются логике политизированных клише, можно оценить, на какой стадии идеологической «ортодоксальности» докладчик делает свои обобщения.

Изучение риторических наслоений в текстах агитаторов в определенной мере позволяет выявить здесь ядро информации, определить масштабы и методику искажения сведений, и, наконец, отметить технику специфического перехода от описания конкретных деталей к агитационному штампу. Можно выделить три основных варианта риторических выражений в докладах агитаторов. Первый — это использование политизированных идиом, «оживляющих» повествование, но довольно редких для того, чтобы существенно влиять на его содержание. Второй вариант — это частое применение риторических конструкций как равноправных фактографическим описаниям, передача важных элементов информации «риторическим» кодом. Возникает своеобразная «черепашность» текста, когда конкретная информация, переведенная на риторический язык, «сцепляет» материал, не оформленный идеологическими клише. В сущности, это одно описание, но выраженное двумя языками, столь различными, что риторический фрагмент выглядит здесь как лагуна в тексте. И, наконец, третий вариант — это почти тотальная замена конкретной информации политизированными штампами, что превращает доклад в некое подобие пропагандистской статьи; для отчетов агитаторов это, впрочем, наименее типично.

Риторический подход делает описание деталей происшествия менее подробным, поскольку появляется возможность заменить их близкими по смыслу, но все же полуадекватными клише. Так, в упоминавшемся докладе Яковсона⁴⁸ можно встретить фразу: «Кулаки, видя свое банкротство, замолчали и начали удаляться», но в чем состояло это «банкротство» — не сказано. Используя агитатор менее политизированный и более обыденный термин, мы, возможно, могли бы получить дополнительные сведения о происшествии.

⁴⁸ Там же. Ф. 0—851. Оп. 1. Д. 6. Л. 4—4 об.

Риторика не всегда ведет к искажению истины, но она придает большую жесткость и однозначность оценкам информатора, в связи с чем не может инициироваться подробный анализ причин событий: он излишен, готовое объяснение уже есть. Риторика в какой-то степени отмечает уже установленный, упрочившийся ракурс видения, и потому должна рассматриваться как элемент предварительного отбора. Правда, в том случае, когда риторические фрагменты в докладе отчетливо отделены от его фактографической части и представляют собой некие обособленные социологические или «беллетристические» дополнения, они могут быть отсоединены от основного текста без существенного ущерба для его содержания.

Для оценки риторики текста обратимся к докладу представителя Петроградского комитета РКП(б) В. Киселева о положении в Гдовском уезде (Петроградская губерния) в марте—апреле 1918 г.⁴⁹ Вот как начинается доклад: «С подходом врага внешнего совместно с нашими внутренними врагами Сов[етской] власти, т. е. капиталистами, молодая, еще не твердая Сов[етская] власть пошатнулась и контр[революционные] и... им сочувствующие элементы, этим моментом пользуясь, приняли угрожающую позу, стали восклицать: „Вот пришел расплаты час за вашу свободу“. Вот в это время пришлос[я] как пастуху собирать[ь] разбежавшихся ... овец ввиду появления волка и успокаивать как ... детей». Лишь после этого вступления агитатор стал детально рассказывать о ценах на хлеб, приводить подробные цифры, и его отчет сразу же приобрел канцелярское оформление и стал похожим на краткий протокол расследования: «Начали 25-го (12) марта с. г. с мельницы Сухловицы на реке Люте Лосицкой волости Гдов[ского] уезда, где было заподозрено укрывательство хлеба многими мест[ными] кулаками ввиду предстоящей реквизиции и более удобной продажи спекулянтам по высокой цене. При производстве на зак[онном] осн[овании] реквизи[торами] было обнаружено 150 меш[ков] разн[ого] хлеба, из коих 80 меш[ков] нашли справедливым... оставить неприкосновенными, а 70 м[ешков], это равняет[ся] с лишним 300 пуд[ов]... хлеба, реквизировали».⁵⁰ Затем В. Киселев сообщает об отправке изъятого хлеба и вновь текст получает «беллетристическую» обработку: «Вдруг с другой стороны реки посыпались выстрелы, засвистели пули, лошади бросились в разные стороны...». После этого описание быстро теряет литературную оболочку: ее реликтами остаются несколько риторических оборотов, но и они исчезают в конце изложения.

Здесь хорошо видно, как риторическое описание заменяет описание фактографическое и как это приводит к неотчетливому изображению событий. Если бы агитатор, вместо притчи о волках и овцах привел бы конкретные факты, наши представления о положении в волости накануне реквизиций были бы куда более объемными. Риторические и фактографические фрагменты здесь

несомненно представляют единое целое: без любой из этих частей причинно-следственная связь происшествий становится неясной. Но они не равноценны. Риторичность делает описание ярким, но неясным, скрупулезность и фактографичность — тусклым, но отчетливым. В первом случае мы больше узнаем о том, кто пишет, во втором — о тех, кого описывают.

Summary

This article «Reports of the Agitators as a Source for Studies in Political Psychology of the Peasants in the North-West of Russia between 1918 and 1921» deals with analysis of one of the most interesting sources for study on political consciousness in Soviet Russia in the first post-revolutionary years. Main kinds of the documents have been studied, the core of information, rhetoric, degree of authenticity and the main instruments of distortion of information have been revealed. The article is based on archival documents, derived from the fund of the Commissariat of the Interior of the Union of Communes of the Northern Region, available in the Central State Archive of St. Petersburg.

⁴⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 7—7 об.

⁵⁰ Там же.